

Гийом Аполлинер
Путешественники,
удивляющиеся цветам и звездам

Гийом Аполлинер

**Путешественники,
удивляющиеся цветам и звездам**

«Издательские решения»

Аполлинер Г.

Путешественники, удивляющиеся цветам и звездам /
Г. Аполлинер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904018-3

Г. Аполлинер предстает перед читателем ярким автором, умелым рассказчиком, который не перестает восхищаться людьми искусства, с восторгом и любовью открывая читателям то, что ему дорого и ценно. Книга будет интересна всем тем, кто любит Францию, французскую культуру, французскую литературу, живопись. Все произведения Г. Аполлинера переведены на русский язык Еленой Айзенштейн. В оформлении обложки использована картина друга Аполлинера, «Портрет-пейзаж» Анри Руссо.

ISBN 978-5-44-904018-3

© Аполлинер Г.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Король Луны	6
1	6
2	7
3	8
4	10
5	13
Утром	15
Матрос из Амстердама	16
Албанец	19
Рождество милорда	21
Робинзон на вокзале Сэн-Лазар	26
Кулинарный кубизм	29
Мой дорогой Людовик	31
Прогулка с тенью	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Путешественники, удивляющиеся цветам и звездам

Гийом Аполлинер

Переводчик Елена Оскаровна Айзенштейн

© Гийом Аполлинер, 2019

© Елена Оскаровна Айзенштейн, перевод, 2019

ISBN 978-5-4490-4018-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В книгу «Путешественники, удивляющие цветам и звездам...» вошли произведения выдающегося французского поэта, прозаика, критика искусств Гийома Аполлинера. Аполлинер оставил после себя огромное творческое наследие, хотя прожил не очень долгую жизнь. В представленном сборнике читатель сможет познакомиться с пятнадцатью лучшими рассказами писателя: «Король Луны», «Матрос из Амстердама», «Албанец», «Робинзон на вокзале Сен-Лазар», «Растение», «Авантюристка», а также с двумя сказками: «Ива и попугай», «Печальная история об обезглавленной селедке». В книге также представлены статьи Аполлинера об искусстве из циклов «О живописи», «Эстетические размышления. Живопись кубизма», в которых Аполлинер рассказывает о живописи своих друзей: Пикассо, Ж. Брака, М. Лорансен, М. Дюшана и других. Кроме того, сборник содержит около двадцати статей и заметок, публиковавшихся во французской печати начала 20 века, демонстрирующих мастерство Аполлинера-журналиста. Художники-футуристы и кубисты, Константин Бальмонт и Анатоль Франс становятся героями его зарисовок. Аполлинер предстает перед читателем ярким автором, умелым рассказчиком, который не перестает восхищаться людьми искусства, с восторгом и любовью открывая читателям то, что ему дорого и ценно. Книга будет интересна всем тем, кто любит Францию, французскую культуру. Все произведения Г. Аполлинера в настоящем издании переведены на русский язык Еленой Айзенштейн. Примечания сделаны переводчицей.

Рассказы

Король Луны

1

23 февраля я шел по той части Тироля, которая начинается почти у ворот Мюнхена. Подморозило; солнце сияло в продолжение всего дня, и я оставил далеко позади себя область, где сказочные замки отражаются в розовых озерах сумерек. Наступила ночь; полная луна, потоком плывшая на небосводе, светила, мерцая холодными звездами. Было примерно пять часов. Я ускорил шаг, желая прийти к обеду в гранд отель Верп, в деревню, хорошо известную альпинистам; по карте, которая лежала в моем кармане, отель не должен был находиться дальше трех или четырех километров. Путь становился ужасным. Я пришел к перекрестку, откуда расходились четыре дороги: я хотел свериться с моей картой, но понял, что заблудился. Другая сторона места, где я находился, не отвечала ни одной точке маршрута, установленного мной перед выходом, и я отчетливо понял: я потерял дорогу. Время поджимало меня, мне не хотелось спать под прекрасными звездами. Я ступил на тропу, которая, как мне казалось, шла на Верп. Через полчаса пути я остановился в одном месте, где тропа заканчивалась перед стеной высоких скал почти в пятьдесят метров высотой, позади которой высокой хаотической массой поднимались горы, белые от снега. Вокруг меня огромные ели волновались своими высокими свешивающимися телами; так как ветер усиливался, их вершины шевелились; этот мрачный шум прибавлял ужаса пустоши, куда меня привел случай. Я понял, что будет невозможно найти Верп до конца дня и искал какой-то грот или углубление в скале, где до зари можно было бы укрыться от ветра. Как тщательно разглядывал я этот тип скалы, которая расстилалась передо мной; мне казалось, что я вижу вход, и я устремился к нему. Я понял, что передо мной очень просторная пещера, и меня ждут приключения. Снаружи ветер сделался грознее, и в еловой равнине было что-то душераздирающее, как будто множество заблудившихся странников кричали о своем отчаянии. Через несколько минут я уже привык к пещере и уловил далекие звуки музыки. Сначала я посчитал, что ошибся, но скоро уже не сомневался больше: звуковые и гармонические волны достигали моих ушей и поступали из глубины гор. Какое удивление и какой ужас! Мне захотелось убежать. Потом любопытство взяло верх, и ошупью вдоль стены я устремился к цели, чтобы исследовать ведьминскую пещеру. Я шел вперед более четверти часа, гармонии подземного оркестра точно указывали путь, потом стена сделала резкий уклон; я повернул, чтобы изменить направление и увидел на расстоянии, которое не мог измерить, немного цедащегося света; вокруг него, казалось, была створка. Я ускорил шаг и сразу пришел к двери.

Музыка прекратилась. Я услышал отзвук далекого голоса. Я говорил себе, что подземных меломанов быть не должно, кроме того, возможно, это опасные люди; с другой стороны, несмотря на мое появление, я не мог разгадать, не было ли мое приключение сверхъестественным по происхождению; дважды я постучал, но никто мне не ответил. Наконец моя рука нашла защелку, я повернул ее и не испытал никакого сопротивления. Я прошел в огромную залу, чьи стены были отделаны цветным мрамором и морскими раковинами, где царствовал полумрак; вода струилась в бассейн, где плавали разноцветные рыбы.

2

Долгое время я смотрел вокруг себя и видел в глубине приоткрытую дверь, через которую я рискнул кинуть взгляд в следующую залу, очень просторную, с высочайшим потолком. Это была разновидность столовой, меблированной в центре достаточно большим круглым столом, для размещения здесь за обедом более ста гостей. Тотчас там оказалось примерно с полсотни молодых людей, от пятнадцати до двадцати пяти лет, которые живо болтали. У двери, где я находился и откуда меня не было видно, я отметил, что у стола не было ножек. На четырех крючках стол был подвешен к потолку, с прикрепленными на нем роликами, благодаря которым поворачивались металлические тросы. На этих роликах металлические тросы устремлялись в разных направлениях далеко к потолку, а потом проходили через кольца, зафиксированные на карнизе, с которого спускались широко по стенам, где по желанию их можно было поднять, опустить или остановить. Я пленился этим оригинальным залом для обедов: зал создавал ощущение качелей. Электрические лампы разными оттенками сияли в колбах. Я отметил, что в этом зале колбы были всех цветов спектра, с висящими на концах разной высоты нитями, как для забавы; были такие, которые доставали до плинтуса, у пола. Электрические лампы с различной силой так хорошо распространяли сияние, что можно было сказать: в зале царствует сам свет солнца¹.

Я не видел мест для слуг, но через минуту гости ели блюда, которые им предлагали, слуги выходили в двери в глубине, чтобы исполнить свою работу. И другие слуги входили, толкая перед собой маленькую тележку, где на ложе из сухой древесины лежал надежно связанный живой бык. Когда на тележке, под дном которой зажигалось электричество, достаточное для приготовления жареного мяса, все засияло, сразу под быком, которого быстро перевернули, появилось мгновенное ароматное пламя. В эти мгновения четыре решительных оруженосца нарезали мясо, напомнив мне довольного и усталого моего друга Рене Бертье, когда, перед тем как покинуть научную область ради поэзии или наоборот, он с помощью пилочки для ногтей пытался открыть консервную баночку с ежедневным ананасом. Гости, которым суждено было разделить эту приятность, сразу прервали беседу, чтобы выбрать кусочек на их вкус, как делают журналисты после новых колониальных завоеваний. Свежий бык был разрезан в правильных местах, и таковым оказалось мастерство мясника, что куски были разделены и пожарены, и не был нанесен ущерб жаркому. Скоро ничего не осталось, кроме кожи и скелета, что уносят в качестве контрибуции сборщики налогов.

Потом вошли, завлекая рты, двадцать птицеловов, несших по две большие клетки, полные живых уток, которых задушили для каждого гостя. Сомелье присутствовали тут же и налили много глотков венгерского вина, и двадцать трубных возгласов одновременно раздалась в четырех дверях, и начался звон их щитов.

*

Эта живая трапеза мне показалась настолько ни на что не похожей, и я немного обеспокоился судьбой, ждавшей меня в компании людей, так жаждущих крови; но они сами поднялись, и, пока зажигали кто сигары, кто сигареты, слуги освободили стол и в мгновение ока подняли к потолку все, в том числе и подушки. Зал оставался свободным от мебели, и трубачи отправились играть с четырьмя слепыми виолончелистами, которые исполняли модные мело-

¹ Здесь Аполлинер ссылается на известное пристрастие Людвига Баварского к электрическому освещению. Известно, что его замки также освещались электричеством, а для освещения одного из них была даже построена первая в мире тепловая электростанция.

дии в современном духе, для тех, кто приглашал танцевать молодых людей. Но это действие не длилось больше, чем четверть часа, после чего они направились в другую залу.

*

Дверь осталась открытой, и, крадучись, словно волк, я пошел вперед, видя, о чем они рассуждают; редкая мебель вокруг них, казалось, самым странным образом и без музыки танцевала. Мало-помалу эта мебель надувалась и раскачивалась, как поэт в салоне, возвышаясь и поднимаясь и скачкообразно увеличивалась. Вдруг приняла вид удобной мебели, кожаные кресла и диваны имели вид грибов, покрытых кожей, как и остальная обстановка.

Как только мебель приняла благородный вид и перестала качаться, незнакомцы уселись в кресла и продолжали курить; четверо из них расселись вокруг стола и начали партию в бридж, которая вызвала сразу самые неприятные споры. В этот момент один из них положил на стол свою горящую сигару, и, когда, споря, красный от гнева, ударил своего противника, стол вдруг взорвался, лопнув от контакта с сигарой, как немецкий дирижабль, нарушив порядок карточной партии. Негр побежал поднимать пневматический стол, взорвавшийся от контакта с сигарой, который лежал на земле, как мертвый слон. Слуга предложил принести другой резиновый покрытый кожей стол, так как это была новая мебель, по желанию надуваемая и перенадуваемая, и, следовательно, не очень громоздкая и мобильная. Но эти господа объявили, что они больше не желают играть, и негру ничего не оставалось, как спустить мебель, свистевшую, как русский слуга, шипящий перед своим господином. Все разом вдруг покинули курительную комнату, и негр погасил электричество.

3

Я обнаружил себя вдруг в темноте, уткнулся в стену, пошел наощупь, по звуку удалявшихся голосов. Шаря, я уткнулся в лестницу, под которой открылась дверь, ведущая в узкий коридор, вырытый прямо в скале, в стенах скалы я увидел выгравированное или написанное карандашом или углем самое странное и непристойное граффити. Приведу то, что запомнил, но завуалированную грубость некоторых терминов привести не берусь. Двойной ужасный знак украсил начальную М следующей надписи:

*Микеланджело – причина яркого удовольствия
Ганса фон Джагофа.*

Это было написано карандашом.

Подальше – сердце, пронзенное стрелой, окруженная аспидом, и надпись такого содержания:

Клеопатра для жизни

Эрудит представит готический характер пожелания, изумившего меня, сообщенное Грозицем, драматургом:

*Мне бы хотелось заниматься любовью
с абатиссой Гандершейм.*

История Франции вдохновила анонима, восхищавшегося 18 веком, на самые неистовые изъятие чувств:

Мне нужна мадам Помпадур

Эти надписи на стенах были нацарапаны металлическими острьями. И вот набросок трех крылатых выражений разного размера:

*У меня была в один и тот же вечер
Одна и та же тирольская красавица 17 века
В возрасте 16, 21 и 33 лет
И я смогу еще потом ее иметь
В свои семьдесят лет, но
Я иду под руку с Николаем*

Англоман простучал полным категоричного признания синим карандашом:

*Неизвестный англичанин времен Кромвеля
Стерпит всё*

Подпись: Вилли Хорн

Надпись, широко намеченная углем и почти стершаяся местами, мерещилось, взрывалась саркастическим смехом, который мне показался почти неприличным на этом невообразимом графическом кладбище.

*Мне досталась вчера графиня Терниска
в возрасте 17 лет, которая
и в 45 будет хорошо звучать.
Х. фон М.*

Наконец я не смел поверить слишком дерзновенному сообщению, по сравнению с предшествующими граффити и, несмотря на всю невероятность предположения, страстному и полному искренности признанию фаворита короля Генриха III:

Я люблю Келюса до безумия

Эти многозначные и странные записи мне показались удивительными. Пронзенные сердца, сердца пламенные, сердца сомневающиеся, и еще другая эмблема: волосатые крылья или голые, безбородые или мужественные, гордые или униженные фаллосы, неуклюжие или умеющие летать, одиночные или сопровождаемые спутниками, украшали поверхность любого герба, причудливого и двусмысленного.

Я решительно подошел в коридор, где имелась дверь, и вошел без стука, дверь была наполовину закрыта тяжелым гобеленом; я видел того, кто прошел через залу, пол которой был мягким, покрытым коврами, подушками, подносами (последние были нагружены прохладительными напитками). На стенах достаточно низко располагались несколько умывальников, возвышался кран, двигавшийся в форме носа, которые могли использоваться как таз или чашу. Юная команда, за которой я до сих пор следовал и перемещался, укрылась в комнате. Молодые люди возлежали там. На матрасах, которые покрывали землю, мы видели еще несколько деревянных коробок. Молодые люди находились один подле другого и ничем не были заняты. Один из них разместился рядом с дверью, где я прятался.

Они внимательно смотрели какие-то альбомы, которые имелись в изобилии, мне показалось потом, что это были альбомы с академическими фотографиями обнаженной натуры, мужчин и женщин. Эффект, ожидавшийся от этих фотографий, был создан, так что они рассматривали фотографии со всем возможным непристойным вниманием.

Они выставляли напоказ свою силу, открывали коробки и приводили в действие работавшие медленно приборы, в достаточной степени напоминавшие валы фонографа. Участники действия опоясались потом чем-то вроде пояса, который поддерживал конец прибора., и мне показалось, что все они напоминают Иксиона, когда он ласкает обнаженный призрак невидимой Юноны². Руки молодых людей сбивались перед прибором, как будто они прикасались к мягкому и обожаемому телу. Их рты создавали ощущение воздушного поцелуя. Тотчас они стали более блудливы и резвы, и, казалось, сочетались браком с пустотой. Я был приведен в замешательство, как будто сопровождал их беспокойные игры и фаллические сумасбродства в колледже; из их ртов исходили звуки, любовные фразы, сладострастные стоны, древние имена, среди которых я узнал очень мудрого Гелиоса, имя некой де Лолы Монт, происходившей, я не знаю, с какой-то плантации Луизианы 18 века; кое-кто говорил о паже («о моем прекрасном паже»).

Об этой оргии мне рассказали вскоре надписи в коридоре. Я с большим вниманием прислушался к игровым терминам, присутствовал при исполнении всех желаний этих вольнодумцев, находивших наслаждение в руках смерти.

«Коробки, – сказал я себе, – это подобие урн, куда помещают останки влюбленных».

Мысль эта перенесла, транспортировала меня, я чувствовал в унисон с этими распутниками и, протянув руку, схватил у двери, возле которой никого не было, найденный там ящик. Я открыл его, потом сделал движение, подражая действиям молодых людей, опоясал себя ремнем вокруг поясницы, и это тотчас формировало перед моим восхищенным взором обнаженные тела, которые с наслаждением мне улыбались.

4

В коридоре мужские и женские граффити и прославленные имена исполнили меня отвращением, но гордость быть за пределами ужасного дома Тинтаридов, переполняла меня, и я почти не мог читать написанное карандашом:

Я наставил рога лебедю...

После чего, полный беспокойства, я не мог больше выдерживать атмосферу этого подземного дома, где ничего не было сверхъестественного, конечно, но где все было так ново для меня; я хотел вернуться к выходу, без встречи с кем-то, кто бы мог меня заметить. И мне это удалось, так как, вместо того чтобы вернуться в апартаменты, которые я пересек, я сразу обнаружил себя, всего дрожащего, в огромной зале, где на возвышении были три ступеньки и сидение со сломанными ножками, разновидность разобранного трона, позади которого висел ковер, с конусным щитом из серебра и лазури. На стене, где открывалась дверь, в которую я вошел, были повешены картины, представляя жизнь в цвете, с сиянием света.

В глубине органа сложена была стена, и рядом, как рыцари в латах, словно осуществляли надзор отполированные трубы. На органе закрытая партитура была богато отделана:

Подлинная партитура «Золото Рейна»

² Юнона – древнеримская богиня брака, рождения, материнства, супруга Юпитера.

Зал был выложен медью и редким мрамором серпентином, добывавшимся в Италии и на Корсике. Имелись также прозрачные стеклянные плиты, сквозь которые проникал свет, то красный, то лиловый. Этот свет не сиял в одной точке зала, освещенного большими искусственными окнами; искусственное освещение шло сюда, как днем. На некоторых местах этих плит я видел пятна крови, и в углу находились театральные сваи из позолоченной меди, украшенные бисером.

*

Здесь настал самый волнующий эпизод моего путешествия, так как я хотел выйти оттуда и не осмеливался вернуться к своему месту; не создавая шума, я случайно открыл маленькую дверь рядом с органом. Было почти восемь вечера. Я кинул взгляд в большую залу, где не было меньше света, чем когда я стоял там, а весь воздух был пропитан ароматом роз.

Человек с юным лицом (а ему было почти шестьдесят пять лет) стоял там, одетый, как французский вельможа из свиты короля Людовика XVI. Его волосы, заплетенные, как у Панурга³ были слишком напудрены и напомажены. Как я мог заставить себя вернуться, когда читал сцену Ричарда Львиное Сердце, вышитую на его жилете и пуговицах двух дюймов диаметром, содержащих двенадцать стеклянных миниатюр, портреты двенадцати королей!

Вокруг залы выходили из стены большие медные павильоны.

Забавный персонаж, чья древность так резко контрастировала с металлической современностью этой залы, сидел перед клавиром и касался клавиш; он нажимал на клавиши, и они оставались запавшими; когда он вышел из павильона, я неотчетливо слышал странный шум и продолжение, прежде, не имевшее для меня смысла.

Одно мгновение незнакомец со вниманием вслушивался в эти шумы. Вдруг он поднялся, сделал жест, и женственный, и театральный, протянув правую руку, а левую положив на сердце. Когда шла процессия, он воскликнул:

«Королевский отшельник! О страна Спокойного Утра! Заря поднялась понемногу наконец на твоей территории, и уже в твоих монастырях монахи поднимаются с молитвами, которые доносят до меня этот точный аппарат в виде бормотаний. Я слышу шорох хлопчатобумажных замасленных одежд людей из народа, буря милости плачет среди сутолоки бедных людей. Я слышу также бронзовые колокола Сеула. В твоём голосе можно различить жалобу ребенка. Я слышу движение кортежа. Он следует со своим прекрасным синьором, великолепным господином Ланг Баном в седле. Если днем я еще надену бледный пурпур, который не подходит никому, кроме меня, Короля Луны, я посещу твою красоты и узнаю твои прелести и земли, о которых все говорят как о наслаждении.

И так как слышались слова того, кого я узнал, как Людвига II Баварского, я увидел, что популярное в Баварии мнение тех, кто думает, что их несчастный и безумный король не умер в темных водах Штарнбергзее, истинно. Но далекие возгласы, которые доносились из печального королевского уединения, слишком настойчиво звали меня, так что я мог покинуть свое место и двинуться к очарованию, которое вело меня на землю белых одежд; я чутко вслушивался в бормотание зари, и мне слышался шум прачек, без конца стучащих по белью и святым одеждам бесконечными ударами палок, утюгами для глажки, как если бы белая заря сама, как мы, стирала и гладила бы.

Потом августейший утопил шиньон в озере Штарнберг, уложив его одним прикосновением, и из дополнительных бормочущих слов короля я понял, что шумы, доносившиеся до нас, создают любовную атмосферу Японии в момент восхождения зари.

³ Слово возникло у Рабле – ред.

Совершенные микрофоны, которые король имел в своем распоряжении, позволяли слышать под землей самые далекие шумы земной жизни. Каждое прикосновение приводило в движение микрофон, настроенный на то или иное расстояние. Теперь это были отголоски японского пейзажа. Ветер дышал между деревьями, там должна была быть деревня, так как я слышал смех слуг, рубанки столяров и каскады ледяных фонтанов.

После другого прикосновения к прибору, спустившись, мы курили, восхищенные полным утром. Король приветствовал социалиста из Новой Зеландии. Я слушал свист гейзеров горячих источников.

Вдруг это прекрасное утро продолжилось на мягком Таити. Вот мы идем по Папейете, там бродят все неприличные женщины Нового Китира. Слышится их прекрасный гортанный выговор, кажущийся почти антично-греческим. Слышатся также голоса китайцев, которые продают чай, кофе, масло и пирожные, звуки аккордеонов и варганов...

И вот мы в Америке; без сомнения, прерия огромна, вокруг станции, откуда отправлялся вагон с концертирующим королем, внезапно вырастает город; я слышу свист поезда.

Ужасный шум улиц, трамваев, заводов; кажется, что мы в полдень в Чикаго.

И вот уже Нью-Йорк, где на Гудзоне поют корабли.

Горячие молитвы поднимаются перед статуей Христа в Мехико.

Четыре часа. В Рио-де-Жанейро проходит карнавальная кавалькада. Надувные шары вырываются из уверенных рук, сглаживаются с шумом перед лицами, отвечают запахом воды, как когда-то мавританские шары, плых, плюх, смех, ах! ах!

Шесть часов у Сан-Пьер-Мартиник, маски возвращаются с песнями в танцевальные залы, украшенные огромными красными цветами *heliconia*. Слышится пение:

Кто не знает
Прекрасной мулатки,
Кто не знает
Мулатки Робелы...

Семь часов в Париже. Я узнаю пронзительный голос М. Эрн. ст Л. Ж. н. сс., как вдруг микрофон, словно случайно, переносит нас в кафе на Больших бульварах.

Католический звон стоит в Мюнстере, в Бонне. Идя по Рейну, изменчивым двойным хором поют лодки, возвращаясь в Кобленс.

Потом это превращается в Италию, близ Неаполя. Звездной ночью кареты разыгрывают *moirte*, игру на пальцах, игру случая.

Потом приходит Триполитэнь, где вокруг огней бивуаков М. р. н. тт. упражняется в разговоре с маленьким негром, в то время как люди в его доме, в Савойе, охваченные воинственностью, готовы защитить хозяина в случае маловероятной агрессии, стреляя звукоподражательными огнями орудийных очередей, и с места на место проносятся через лагерь звуковые сигналы горнистов.

Минутой позже уже десять часов! Кто эти нищие, которые жалуются и рыдают с таким пылом? Король, слушая их, бормочет:

Это голос Испахана⁴, который пришел ко мне, выйдя из черной, как кровь павлинов, ночи.

И поскольку это был сон, я почувствовал воображенный мной запах жасмина.

Полночь! Бедный пастух закричал в ледяной пустыне; это ночная Азия, где распространяется в мире зло.

Слоны трубят. Час утра. Индия!

⁴ Испахан не только имя, Испаханом называют и сорт старой садовой розы.

Потом Тибет. Мы слышим звон священнических колоколов.

Три часа: шум лучших лодок, сладостно сталкивающихся на берегу озера в Сайгоне.

Дум, дум, бум, дум, дум, бум, дум, дум, бум – это Пекин, хоровод гонгов и тамбуринов, бесчисленные собаки, визжа или лая, смешивают свои голоса с мрачным ровным шумом. Разражается пением петух, предвещая зарю, которая бледнеет уже в белой Корее. Пальцы короля пробегают по клавишам, вдруг поднимаются, одновременно каким-то образом, и все голоса мира, недвижимые до сей поры, идут к нам, совершая свое движение.

Поскольку я нахожусь в очаровании, король вдруг поднимает свою голову. До сих пор мое присутствие не казалось ему удивительным.

– Принесите, сказал он мне, – оригинал партитуры «Золото Рейна», я хочу просмотреть его после прослушивания симфонии мира и перед тем как услышу подвижный оркестр мосье Освальда фон Гарфельда. Преступная личность, но где твоя маска? Я хочу, чтобы передо мной никого не было без маски.

На его лице отпечатались вдруг свирепость, король сжал кулаки, в этот момент он был похож на статую Геркулеса; резко тряхнув меня, он ударил кулаком, ударил ногой, он оскорблял меня в лицо, крича:

– Мы емуотрежем яйца! Франкенштейн, Оленбург, Жакоб Эрнст, Дуркхайм, мы емуотрежем яйца!

Я не стал ждать никого из этих мосье; увидев, что король забеспокоился оттого, что я был без маски, а еще скорее оттого, что мое присутствие необычно, я сказал себе, что, если я смогу найти дверь, через которую вышел под землю; я не буду никого более разыскивать, король не думал иметь дело ни с кем, кроме своих домашних: слуг, подчиненных, пажей, вельмож или лодочников.

И когда я уже считал себя спасенным, я услышал крик:

– Партитуру «Золота Рейна», маску той преступной личности, или тебеотрежут яйца!

5

Я принялся бродить в роскошном подземелье, где жил этот старый утопленник, безумный король. По крайней мере в течение двух часов я осторожно шел в темноте, открывая двери, шаря по стенам, не находя выхода. Сначала я услышал вдалеке раскаты голосов, но потом все смолкло.

Наконец обнаружил себя в гроте, который служил вестибюлем этого удивительного жилища.

Снаружи разразились фанфары, но сразу затихли. Мне ничего не оставалось, как открыть дверь, через которую я проник в подземную гробницу, чтобы снова оказаться среди елей.

Но лес светился. Тысячи лучей, возникших там, поднимались, спускались, удалялись, приближались, группировались, сжимались, скатывались, потухали, заново разгорались, уменьшались, увеличивались, меняли цвета, объединяли свои оттенки, варьировались, соединялись геометрическими фигурами, делились на огоньки, огни, брызги, затвердевали, можно так сказать, в светящиеся геометрические формы, в письма, в алфавит, в цифры, в движущиеся фигурки людей и животных, в высокие пылающие группы в круглых пламенеющих озерах бледно фосфоресцирующих потоков, снопов ракет, фонтанов, без видимого источника света, лучей, свечения.

Несколько минут я рассматривал народ, сконцентрированный вдалеке. Осторожно приближаясь и скрываясь за стволами деревьев, я пытался разглядеть этих людей. Они были в масках, за исключением старого короля, чье лицо было открыто. Он был одет в полумужской, полуженский костюм, можно было сказать, что это одежда 18 века, он надел платье с мантией, впереди открытое и украшенное поясом, как у пожарных.

В этот момент музыка возобновилась. Одни музыканты находились вдали, другие поближе. Их фанфары двигались и возобновлялись, раздаваясь вдали и вблизи. Можно было сказать, что сто оркестров пробегают, нащупывают мысль, группируются, несутся, удаляясь или приближаясь, быстрее или медленнее. Была в них незнакомая мне резкость, звучность небывалой силы, тембры впечатлительной новизны. Зазвучала музыка такая же высокая, как небо. Она выходила из-под земли, а мы были утопленниками, можно так выразиться, в океане магических звуков.

Вдруг все эти личности опоясались поясами, похожими на королевский. Кто-то к нам повернулся, и я увидел на его животе пояс, украшенный инструментом, в достаточной степени напоминавшим утреннее пробуждение.

– Вот, вот яркость, живописность, – сказал король, – это искусство самое великое, имеющее больше возможностей, чем живопись. И эта музыка подвижная, достаточно ли она живая? Теперь, друзья мои, давайте пойдем на прогулку.

*

Король Луны грациозно взлетел. Он отправился жить в дерево, откуда продолжал говорить. Но я не понял того, что он сказал, и мне показалось, что он что-то прожурчал, адресуясь к Луне, которая мерцала между ветками; потом он повторил свой полет; вся компания взлетела вместе с ним, они исчезли в воздухе, как кучка мигрирующих птиц.

*

Наутро я отправился искать Верп и в течение долгого времени не проявлял желания никому рассказывать о своем приключении.

Утром

Однажды летним утром Никтор шел по большой дороге. Он пошел направо, где люди повисли в ста футах от земли, другие ниже, чтобы с помощью железа и динамита взрывать скалы для создания в горах дороги.

Дорога перед Никтором, вся белая, ослепительная, лентой взвивалась к солнцу, очень далеко, без всякой тени, несмотря на розовые лавры, прекрасные цветы которых, казалось, были обрамлены сияющим пламенем.

Дорога шла параллельно железной дороге, которая нависла над морем; взгляд утешала голубая вода, сиявшая чистотой внизу, на галечном пляже.

Справа гора выдавалась скалой, на которой прилипли странные кактусы, покрытые диким инжиром, и темные кусты розмарина, тогда как вершины сосен и олив смотрели вниз.

В этом месте скала резко опускалась, и не было больше поднимающейся стены. Там под солнцем и рыли дорогу.

Никтор шел без спешки, глядя на спокойное море, где казались неподвижными несколько белых парусников. Немного устав от четырехчасовой работы, рабочие Пьемонта сидели под солнцем или под нереальной тенью от обломка скалы и ели хлеб с помидорами и инжиром.

Никтор шел, не думая о беде или внезапной смерти. Вдруг он услышал сильный крик и, в ту же секунду подняв глаза, увидел упавшее на вершине стоящей рядом скалы тело, которое издало этот глухой звук и разрушило заграждение, которое отскочило с веселым звоном, как ясный смех на скалистой земле.

Крик человека, грохот скалы, смех железа, крик протеста в ответ, широкий и безутешный, столь же и безропотный, продолжило эхо. Громко закричали рабочие, которые не изменили своего положения, оставаясь печально сидеть за едой, зная, что все бесполезно, что их отдых подсчитан и они будут работать все время, до самой смерти.

Этот стон показался Никтору похожим на бессвязный крик, который должны производить грубые люди примитивной эпохи, когда они видят кого-то из своих товарищей, шлифующих зубы или сжимающих тело какого-то мощного чудовища, не приходя к нему на помощь.

Чтобы увидеть смерть, Никтор поднялся. Тело лежало, полное солнца, на ступени скалы, на камнях. Человек еще хрипел. Никтор знал, что его ноги и череп были сломаны, но ничего не увидел, кроме тонкой струйки крови, бежавшей со лба к закрытым глазам, немного красноватой пены на складках губ и на руках. Два человека просто держались рядом с ним. Один, смуглый и серьезный, с цветущей веткой розмарина, отгонял мух, которые прилетали на глаза и губы; другой, говорливый мастер и добрый мальчик, пытался понемногу лить ром между сжатыми зубами умирающего, как позже станут омыwać его лицо уксусной водой, принесенной третьим в чаше.

На вопрос Никтора мастер объяснил, что погибший работал на весу. Он находился на трещине в скале и, для большего удобства в работе, отстегнул канат, который его держал.

Кусок скалы обвалился, и, против ожиданий рабочего, привел к слабой устойчивости места, которое тот считал безопасным.

Никтор опустошил свой кошелек для жены и трех детей человека, зарабатывавшего три франка в день.

Тело оставалось лежать под солнцем. Рабочие отдыхали, мрачно глядя на сверкавшее море. Виднелись зеленые мысы, заливы с белыми пляжами и далекие виллы в садах – вид восхитительный.

Матрос из Амстердама

Голландский бриг Алькмаар пришел из Явы, груженный специями и другими ценными товарами. Он сделал промежуточную остановку в Саутгемптоне, и матросам было позволено высадиться на землю.

Один из них, Генрик Верштиг, нес на правом плече обезьяну, на левом сидел попугай, а на плечевом ремне висел тюк с индийскими тканями, которые Генрик Верштиг намеревался продать в городе так же, как и этих животных.

Было начало весны, и в обычный час опускалась ночь. Генрик Верштиг шел большими шагами по немного туманной улице из-за слабого света газовых фонарей. Матрос подумал о своем скором возвращении в Амстердам, о своей матери, которую он не видел в течение трех лет, о невесте, ждавшей его в Монниккендаме. Он подсчитывал деньги, которые мог получить за животных и товары, и искал магазинчик, где он мог бы продать эти экзотические предметы.

На Бар-Стрит приличного вида мужчина остановился рядом с ним и попросил продать ему попугая.

– Эта птица, – сказал мужчина, – сослужит мне хорошую услугу. Мне необходим кто-то, кто бы мне что-то говорил, без того, чтобы я мог ему ответить: я живу все время один.

Как большинство голландских матросов, Генрик Верштиг говорил по-английски. Он назвал цену, которая устроила незнакомца.

– Следуйте за мной, – сказал ему последний. – Я живу достаточно далеко. Вы поместите вашего попугая в клетку. Разложите там ваши товары и, может быть, я что-нибудь выберу по своему вкусу.

Весь сияющий от находки покупателя, Генрик Верштиг пошел с джентльменом, надеясь продать ему что-то, хвалил свою обезьяну, которая, как он говорил, была редкой породы, из тех, что лучше приспосабливаются к климату Англии и легче общаются со своим хозяином.

Но Генрик Верштиг тотчас прекратил говорить, почувствовав, что израсходовал все слова впустую, так как незнакомец не отвечал ему и, казалось, не слышал Генрика.

Они продолжали свой путь в молчании, один подле другого. Только сожалея о своих родных тропических лесах, обезьяна, испуганная сумерками, издавала иногда слабый крик, похожий на писк младенца; попугай стучал крыльями.

Спустя примерно час дороги незнакомец резко сказал:

– Мы пришли.

Они вошли в дом. Дорога обрамлялась большим парком, со всех сторон закрытым решетками; время от времени сияли через деревья зажженные огни коттеджа, и на море, вдалеке, слышались с интервалами жуткие крики паровозных гудков.

Незнакомец остановился перед решеткой, достал из кармана связку ключей и открыл дверь, которую затворил после того, как вошел Генри Верштиг.

Матрос был взволнован, он различил понемногу в глубине сада маленькую виллу, достаточно приятного вида, но с закрытыми ставнями, не оставлявшими никакого света.

Незнакомец молчал, дом был безжизнен, и все было мрачно. Но Генрик вспомнил, что незнакомец живет один.

– Это оригинал! – подумал он, и, как голландский матрос, недостаточно богатый для того, чтобы отказаться от своей цели нажиться, он почувствовал стыд за свою тревогу.

*

– Если у вас есть спички, посветите мне, – сказал незнакомец, вводя ключ в скважину, которым он закрывал дверь коттеджа.

Матрос повиновался, и они оказались внутри дома, неизвестный взял лампу, и она тотчас осветила меблированную со вкусом гостиную.

Генрик Верштиг был полностью спокоен. Он уже питал надежду, что странный компаньон купит у него большую партию товаров.

Незнакомец вышел из гостиной и вернулся с клеткой в руках.

– Сажайте сюда вашего попугая, – сказал он, – я не размещу его в жилище, пока он не будет приручен и не заговорит то, что я хочу.

После того как хозяин закрыл клетку, где находилась птица, он попросил матроса взять лампу и пройти в соседнюю комнату, где располагался удобный стол для размещения товаров.

Генрик Верштиг вновь повиновался и прошел в указанную комнату. Тотчас он услышал, что дверь за ним закрылась, ключ повернулся в замочной скважине. Он стал узником.

Озадаченный, моряк поставил лампу на стол и хотел коснуться двери, чтобы нажать на нее. Но голос остановил его:

– Один шаг, и вы мертвы, матрос!

Подняв голову, Генрик увидел фонарь, который ранее он не заметил. Дуло револьвера целилось прямо в него. Ужаснувшись, он остановился.

Невозможно было сражаться. В этих обстоятельствах его нож не мог ему служить. Даже револьвер был бы бесполезен. Незнакомец размещался за стеной, рядом с фонарем, за которым наблюдал матрос, там двинулась рука, державшая револьвер.

– Слушайте меня внимательно, – сказал незнакомец, – и повинуйтесь. Принудительная услуга, которую вы мне окажете, будет хорошо вознаграждена. Но у вас нет выбора. Нужно слушаться меня без колебаний, иначе я убью вас, как собаку. Откройте ящик стола. Там есть револьвер с шестью зарядами, заправленный пятью пулями. Возьмите его.

Почти бессознательно голландский матрос повиновался. Обезьяна на его плече издала крик ужаса и задрожала. Незнакомец продолжал:

– Там есть полог в глубине комнаты. Отодвиньте его.

Занавес отодвинулся, и Генрик Верштиг увидел альков, в котором находилась женщина со связанными руками и кляпом во рту, ее глаза были полны отчаяния.

– Развяжите эту женщину, – потребовал незнакомец, – удалите кляп.

После того как Генрик исполнил порученное, молоденькая женщина восхитительной красоты кинулась на колени рядом с фонарем и воскликнула:

– Гарри! Это заточение позорно. Вы держите меня на этой вилле, чтобы убить. Вы собирались арендовать ее, чтобы мы здесь провели первые дни нашего примирения. Я верила, что убедила вас. Я думала, что вы окончательно уверитесь, что я никогда не была в состоянии... Гарри! Гарри! Я невинна!

– Я вам не верю, – сухо сказал незнакомец.

– Я невинна, – повторила молодая женщина сдавленным голосом.

– Это ваши последние слова. Я с тщательностью запишу их. Мне будут повторять их всю мою жизнь.

И голос незнакомца задрожал на мгновение, а потом опять сделался жестким.

– Так как я вас еще люблю, – добавил он, – я убью вас сам. Но я не смогу это сделать, так как я люблю вас...

Обращаясь к матросу, он сказал:

– Теперь, матрос, если, когда я досчитаю до десяти, вы не всадите пулю в голову этой женщины, вы упадете мертвым к ее ногам. Один. Два. Три...

И прежде чем у незнакомца была возможность досчитать до десяти, обезумевший Генрик выстрелил в женщину, которая, стоя на коленях, смотрела на него остановившимся взглядом... Она упала лицом на землю. Пуля попала ей в лоб. Тотчас выстрел погасил фонарь,

ударив матроса в правый висок. Он находился напротив стола, когда обезьяна, с ужасающе пронзительным криком, спряталась в своей рубашке.

*

Прохожие слышали страшные крики, доносившиеся из коттеджа, в пригороде Саутгемптона, вызвали полицию, которая тотчас приехала, чтобы взломать дверь.

Были найдены трупы молодой женщины и матроса.

Обезьяна, резко вылезшая из рубашки своего хозяина, прыгнула на нос одному из полицейских. Все ужаснулись такому повороту дела и, не решаясь еще раз приблизиться к животному, выстрелили по нему из револьвера.

Правосудие было проинформировано. Казалось ясным, что матрос убил даму, а потом покончил с собой. Однако обстоятельства драмы выглядели таинственными. Два трупа были идентифицированы без труда, ее называли лэди Финнгел, это была жена пэра Англии, найденная в изолированном загородном доме, с матросом, приехавшим ранее из Саутгемптона.

Владелец виллы не мог дать никакой информации, которая могла бы прояснить дело. Коттедж был арендован за восемь дней до драмы так называемым Коллинзом из Манчестера, которого, впрочем, найти не смогли. Этот Коллинз носил очки, имел длинную рыжую бороду, которая наверняка была фальшивой.

В большой спешке приехал из Лондона лорд. Он обожал свою жену, и его страдания больно было видеть. Как и все, он ничего не понял в этом деле.

Задолго до этих событий он удалился от света. Жил в своем доме, в Кенсингтоне, в компании с молчаливым слугой и с попугаем, который повторял без конца:

– Гарри! Я невинна!

Албанец

Албанцы – прекрасные люди, благородные, смелые, но имеют склонность к суициду, которая заставляет закипать людей их породы, если генетические качества не компенсируются нудностью жизни.

*

Албанец, с которым я познакомился во время пребывания в Брюсселе, оставил у меня особенное, незабываемое впечатление о своей нации, вместе с шотландцами, наверное, самой древней в Европе.

Этот албанец имел подругу англичанку, которая заставляла его страдать, как может страдать от любви единственно тот, кто принадлежит к человеческой элите. Та девушка, чья красота была заносчивой, в особенности потому, что в той местности не было человека, который бы не любил бы ее безумно; обманывала моего друга, с кем хотела, и я сам долгое время колебался между дружбой и желанием.

Бесстыдная, до той степени, что не могла пропустить восхищения тех, кого достаточно мяла жизнь, ставшая глухой сердцем и слепой душой, Мод проводила время обнаженная в апартаментах моего друга. И когда он уходил, разгул вступал в свою обычную череду.

И девушка, та Мод, была ли она частью человечества?

Она не говорила ни на одном языке, но на каком-то гибридном диалекте, смеси английского, французского, оборотов из бельгийского и немецкого языков.

Филолог бы ее обожал, грамматик не мог бы не возненавидеть, даже несмотря на ее красоту.

Англичанкой она была по отцу, жестокому офицеру, осужденному на смерть в Индии за жестокое обращение с туземцами. Но ее мать была жительницей Мальты.

*

Однажды друг сказал мне:

– Нужно, чтобы я избавился от нее. Завтра я убью себя.

Зная достаточно албанские нравы, чтобы понять: он может поставить последнюю точку этими гордыми словами.

Он убьет себя, потому что он так сказал.

Я больше не покидал его, и, благодаря моему присутствию, назавтра мой друг-албанец не убил себя.

*

Он сам нашел средство против своей беды.

– Эта женщина, – сказал он мне, – это не моя женщина. Я люблю ее, это правда, но любовь, как жена, разрушила бы меня.

– Я не понимаю, – воскликнул я. – Вы мне объясните?

Он улыбнулся и продолжал:

– Балканские и горные народы на берегу Адриатики когда-то практиковали похищение, и этот обычай сохранился в разных местностях. Нам реально принадлежит только женщина, которую мы возьмем, та, которую мы укротим.

- И без похищения, направляются к счастливому браку.
- Я устрою суд над Мод. Это она меня соблазнила. Она свободна, и я хочу отвоевать мою свободу.
- И как же это? – спросил я его удивленный.
- Похищением, – сказал он со спокойствием и благородством, которое меня восхитило.

*

Дни шли, мы путешествовали, я и албанец.
Он отвез меня в Германию и очень долгое время казался озабоченным.
Я уважал его страдание и больше не размышлял о похищении, молчаливо хвалил его попытку в разлуке забыть эту Мод, которая воспламеняла его страстью до жажды смерти.

*

Утром в Кёльне, посреди Хохештрассе, албанец показал мне на молодую девушку с музыкальным инструментом в руке, которая следовала рядом со своей гувернанткой.
Лакей, одетый в ливрею хорошего покроя, шел на десять шагов позади двух женщин.
Молодой девушке исполнилось лет семнадцать. Две косы падали ей на спину. Дочь патриция, она казалась такой веселой, как будто мы были не в Пруссии, а в каком-нибудь волшебном королевском городке.
– Следуйте за мной, – сказал мне вдруг албанец.
Он заставил меня поспешить, показался лакей, и, подойдя к юной девушке, албанец обвил рукой ее талию, поднял девушку и очень быстро побежал.
Полный беспокойства, я побежал за моим другом.
Я не помнил себя, но, конечно, озадаченные лакей и гувернантка совсем потеряли голову, потому что ни они не закричали, ни охрана!

*

Одержав победу, мимо собора мы проследовали на вокзал.
Молодая девушка, очарованная величественной и мужественной осанкой своего похитителя, улыбалась, испытывая восторг во всех смыслах, и, когда мы курили в вагоне поезда, на пути в Эрбесталь, через границу, албанец целовал самую покорную невесту до потери души.

Рождество милорда

Во время отпуска в Виекёре, ясной августовской ночью, я беседовал на причале с сотрудником корпорации Киллебёф, который в резиновых перчатках ждал английского танкера, шедшего в Руан.

*

– Каждый раз, когда я поднимаюсь на английский корабль, – говорил мне этот моряк тем утром, – я волнуюсь; я знаю, сколько зла принесло судно моего предка англичанам. Хорошо иметь сердечное отношение к англичанам, но ненависть к ним имеется в моей крови, ничего не могу поделать...

Вы, конечно, слышали о корабле Жана Луи Мордана, победителе в знаменитом морском сражении, о котором говорят старые моряки, именуемом *Рождеством Милорда*?

– Сожалею, – ответил я. – Расскажите мне о вашем *Рождестве Милорда*, пока ждете ваш английский танкер.

*

– Ну, хорошо, слушайте, – сказал моряк, потряхивая своей трубкой на парাপете, – история заслуживает того, чтобы быть услышанной.

24 декабря 1812 года корсар *La Belle-Malouine* двигался в места Антильских островов в поисках приключений.

Это было ужасное время.

Лишенная морской империи, Франция еще делала попытки разбить англичан. Наши фрегаты и корветы, удрученные могуществом трехпалубных своих врагов, вонзались в потоки, но не вывешивали своих флагов. Быстро и бесстрашно, неожиданно и часто наши корсары с успехом атаковали противника, который, казалось, бесконечно превосходил их силами.

Капитан *La Belle-Malouine*, Жан-Луи Мордан боялся англичан, у которых он потопил три военных корабля, больше, чем чумы. Кроме них, он взял и десять торговых судов. Но никому не говорил об этих последних подвигах. Он определил это как «заправку» и, не хвалься, назвал это тремя стычками.

В реальности было три настоящих морских сражения, в которых он победил военные корабли, по крайней мере, в десять раз большие, чем *La Belle-Malouine*.

*

Капитан Жан-Луи Мордан слыл одним из самых богатых судовладельцев Сэн-Мало. Эти корабли были взяты у англичан один на один. Они убили на Трафальгаре жениха его дочери, чья красота была так замечательна, что ее не называли иначе, чем прекрасная Малуин. Она умерла от печали, а ее мать от отчаяния не смогла прожить больше месяца.

Судовладелец ухаживал за ней отчаянно, не сетуя, с сухими глазами, переживая крушение своей судьбы и смерть семьи.

– Я принял мою участь, – сказал он несколько дней спустя своим друзьям в Сэн-Мало, – если англичане выхватили мое счастье, если завладели моими кораблями, если они причина смерти моей жены и дочери, это Бог и Богоматерь позволили. Если я, со своей стороны, убью столько милордов, сколько будет возможно, значит, тоже по воле Бога и Богоматери.

*

Шли дни, он привел в порядок свое дела, продал все, что мог, купил корабль, вооруженный для схватки с врагом, назвав его *La Belle-Malouine*, в память о дочери.

И задолго до этих событий старый судовладелец не жалел англичан. Он сдержал слово и убил огромное число *милордов*, каких только мог.

Капитан Морд был человеком примерно пятидесяти лет, главным образом, милым, воспитанным, начитанным, он писал стихи и сам свободно цитировал чужие, в частности стихи, посвященные Лемьеру:

Трезубец Нептуна – ты скипетр Мира.

Цитировал он с печалью, вспоминая Францию, которая, как говорил он, потеряла скипетр, бросила трезубец.

В остальном в его политических взглядах, наверное, отсутствовала ясность. Он исповедовал уважение к белому и к трехцветному знамени. И если он плыл под этим последним, то не упускал случая во время боя вывесить два флага на бизань-мачте.

– Они оба французские, – говорил он, – и если слава начнет убывать, Франция перестанет чтить одно или другое.

Если капитан Морд находился в присутствии англичан, он становился безжалостным. Это немало способствовало возвращению его успеха в море.

Он сформировал вокруг своего имени легенду, которая представляла его железным существом; это было необоснованно, так как редко любезность сочетается с жестокостью; быть свирепым для военного человека – значило не переставать всегда быть рыцарем.

*

В канун Рождества 1812 года ветер свистел весь день, но спал к закату солнца. Накатывавшая парчовая пена иногда обесцвечивала чистоту неба. Понемногу атмосфера темнела. Звезды показались на небосклоне. Потом наступила ночь: ночь спокойная и звездная. Но грубые моряки *La Belle-Malouine* тосковали, однако, по холодным западным рождественским ночам, по своим семьям и далекой родине. Они пели в духе старой Франции, старинные рождественские или морские песни, в то время как на мосту, с биноклем в руках капитан Морд слушал, замечтавшись, забыв вычерпать табак из своей открытой табакерки.

Голос закричал: «Фрегат под ветром!»

*

Капитан закрыл свою табакерку, проворно убрал ее в карман и стал осматривать горизонт в бинокль. Потом он разразился смехом. Впереди шел большой корабль. Натренированные глаза моряков могли различить в звездной ночи флаги англичан, плывшие на мачте.

– Это *Юнона*, – сказал капитан Морд в ту же секунду. – Она возвращается из Мартиника, который у нас украли эти варвары *милорды*. Поднимите английские флаги. Приготовьтесь к сигналу начать сражение. Пушки и ядра будут готовы. Пусть все возьмут зажженные огни. Мы предложим *милордам* прекрасную ель Рождества, по обычаю их страны.

*

И капитан Морд взял свою шпагу и свои пистолеты на абордаж.

*

La Belle-Malouine приготовился к сражению. Моряки украсили бизань-мачту чудесной рождественской елью с мерцающими многоцветными огнями. Вдруг капитан Морд стал петь вместе со своими матросами песню по-французски, которую они сочинили на мотив популярной английской морской песни. Эту песню они использовали, чтобы изменить национальность, когда преследовали торговые корабли *милордов*. На этот раз ее снова собирались применить против морского королевства англичан:

*Милорды, милорды, милорды,
Сразу вы будете мертвы.
Нептун, сам Морд
Трезубец несет.*

После этого куплета на *Юноне* поднялось ура.

– Они восхищаются нашей рождественской елью, – сказал Морд, – думают, что мы взяли ее для *милордов*.

– Да, – ответил второй, – они думают, что мы празднуем Рождество.

*

Юнона приблизилась. На ней показались люди, опиравшиеся на бастионы. Они сделали доброжелательные жесты, адресованные *La Belle-Malouine*.

– Второй куплет, – сказал Морд, – поют все:

*Милорды, милорды, милорды,
Сразу вы будете мертвы.
Пока Морд де Корсар
Не любит англичан.*

– Ура! Ура! – кричали на *Юноне*, поражаясь английским куплетам той же самой песни.

Но как невозможно было различить смысл английских слов матросам *La Belle-Malouine*, так на *Юноне* не понимали смысла французских.

*

В тот самый момент капитан Морд приказал открыть огонь. Заговорили пушки с *La Belle-Malouine*, и залпы картечи, которая смела палубу *Юноны*, очень удивили экипаж, который думал, что перед ним маленький английский корабль, торжественно отмечающий Рождество. *Милорды* изумленно вскрикивали, и эти крики смешивались с возгласами раненых. Но дым скрывал от моряков *La Belle-Malouine* смятение, которое царствовало на борту фрегата.

– Снимите английские флаги и вывесите французские.

– Который? – спросил голос.

– Оба, – ответил Морд.

*

Английские флаги жалобно спустились, и два французских, белое и триколорное сразу, ясно освещенные, начали развеиваться на бизань-мачте, преображенной рождественской елью.

Новый залп довершил панику на *Юноне*, чья грот-мачта испытала на себе давление тяжелых двенадцати человек. Потом корабли соприкоснулись, и *La Belle-Malouine* прилипла к фрегату.

Малуинцы, вооруженные тесаками, прыгнули на *Юнону*. Она была в плохом состоянии. Многочисленные трупы усеяли палубу. Вдруг выстрел из пистолета капитана Морда наповал убил командора, который сделал все возможное, чтобы дать знать своему упавшему духом экипажу о столь незапланированной атаке. Почти все англичане были убиты. Английский дух французских слов капитана Морда, проклинавшего своих врагов, возвышался над криками выживших англичан:

*Милорды, милорды, милорды,
Сразу вы будете мёртвы.
Франция, на бордаж!
Всегда победит матрос наш.*

*

После того как зажгли фитили, которые через час должны были заменить порошковыми огнями, предназначенными для прыжка на растерянный и потонувший в крови фрегат, французы оставили его. Они ударили по цепям, связывавшим два судна, и удалились.

Через час обломки *Юноны* с большим шумом взорвались, создав огромный сноп пламени.

Рев сигнала сообщил о прибытии танкера. Лодочник приказал спустить в воду весла. Пришло время моряку закончить его историю.

*

Капитан Морд потирал руки. Он повернулся к своему помощнику. Тот любезно предложил капитану поесть.

– Это наша четвертая стычка, мосье, – сказал он, – и на четыре военных корабля у милордов теперь меньше: *Прозерпина*, *Феб*, *Амфитрион*, в эту ночь добавилась и *Юнона*. Он помолчал, а потом добавил:

– Мне бы хотелось ближайшей ночью успеть добраться до Гваделупы.

*

Морд осмотрел горизонт и спокойное море, на котором не было никакого намека на дыхание ветра, и, верный своему пристрастию к цитатам, продекламировал стих из *Ифигении*:

Я не спрашиваю у богов о ветре, который меня гонит...

– Но вы очень плохо представляете богинь, – ответил в ту же секунду тот, кто имел смелость...

*

Понемногу поднялся ветер. Он погасил маяки на бизань-мачте, и пока La belle Malouine направлялась в Гваделупу, матросы долго пели в ночи:

*Будем петь все Рождество!
Иисус родился в Сан-Мало,
Ну а вечером – корсар
Не обидит англичан.*

Звучали и многие другие песни Рождества, пока на мачте реяли два французских флага: белое и трехцветное.

*

Теперь моряк был уже в лодке. В заданном квадрате она наконец достигла танкера. Спустившись на танкер, моряк скинул на борт свой плащ, потом живо вскарабкался по лестнице, и, когда кормчий из Руана спустился, я увидел в ясной ночи маленьких сыновей Жана-Луи Морда, пожимавших руку английскому капитану.

Робинзон на вокзале Сэн-Лазар

Обычно думают, что англичане – самые флегматичные люди в мире⁵. Это ошибка, история достоверно следующая: никто не говорит, что она экстраординарная, но в достаточной мере свидетельствует о том, что некоторые французы и даже парижане возвращаются в места самые холодные.

1-го января 1907 года, в десять часов утра, мосье Людовик Пандевин, богатый торговец из Сентьера, живший в дорогом особняке, расположенном на улице Буа де Болонь, взял фиакр на площади Этуаль.

– На вокзал Сэн-Лазар, на главную линию, – сказал он кучеру, – и немного быстрее, я должен успеть на поезд в Гавр.

Мосье Пандевин ехал в Нью-Йорк по делам и не взял с собой ничего, кроме небольшого багажа. Время поджимало, и фиакр пришел на вокзал за несколько минут перед часом отправления, указанным в расписании.

Мосье Пандевин протянул кучеру билет на тысячу франков, но у извозчика не оказалось мелких денег.

– Подождите меня, – сказал торговец, – дайте мне ваш номер, я с вами расплачусь.

Он оставил багаж в карете и достал свой билет. Но увидев, что настало время отправления поезда по расписанию, мосье Пандевин подумал: «Этому кучеру мой чемодан и бумаги не так уж интересны. Он подождет, найдет мой адрес на чемодане и попытается расплатиться со мной».

И мосье сел на поезд, который ехал с двухчасовым опозданием, так как прекрасное презрение к расписанию более уважаемо. В Гавре он сел на корабль до Америки и больше не думал о кучере.

*

Терпеливо ожидая клиента, через двадцать минут ожидания кучер сказал себе:

– Это больше не по курсу. Время – деньги.

Потом он сдался, чтобы ждать философски.

В полдень он позавтракал у разносчика, потом спустился пообедать, боясь, как бы не украли багаж, находившийся в кофре, под сиденьем. Вечером он поужинал так же, как и позавтракал, накормив своего коня и продолжая ждать последнего поезда до самой полуночи.

Потом он встряхнул вожжами своего Кокотта и выехал со двора Гавра, не показывая настроения и нетерпения.

Он остановился у склада «Север-Юг», который поднялся в эту эпоху перед вокзалом Сэн-Лазар, спустился со своего места, открыл дверь особенной деревянной конструкции, которой восхищались парижане в течение долгих лет и многочисленные реплики об этом еще украшали некоторые привилегированные места столицы. Взяв своего коня за поводья, кучер, о котором я говорю и кого будущие поколения справедливо узнают под именем Эварист Рудиол, владелец мерина и кареты №20364, рассматривал весь склад, пространство которого в целом создавало жилище, достаточно комфортабельное, расположенное в самом центре Парижа. Там

⁵ Рассказ Аполлинера впервые был опубликован 1 октября 1911 года в «Фантазио». Его первоначальное название «Робинзон на вокзале Сен-Лазар как пострадавшая „Джоконда“» объясняется тем, что «Джоконда» Леонардо да Винчи, самая известная картина Лувра, была украдена 21—22 августа 1911 года, в ее похищении подозревали Аполлинера и Пикассо, не виновных в краже. Джоконда вернулась в Лувр 4 января 1914 года. Три года ждала картина своего возвращения. Три года ждал и Робинзон этого рассказа. В 1916 году рассказ получил новое название «Робинзон на вокзале Сен-Лазар», поскольку тема «Джоконды» уже потеряла свою актуальность.

была солома, которую он мог постелить своему коню, и кучер распряг его и сам удобно уснул в карете, хорошо укрывшись одеялами, хотя ночь, несмотря на сезон, не была слишком холодной.

В пять часов он был уже на ногах, стучал подошвами башмаков, размахивал руками горизонтально и вертикально, чтобы согреться, запряг коня и оставил экипаж внутри складского двора, так как фиакр не мог въехать на вокзальную территорию Гавра, если не было пассажира.

Кучер Эварист Рудиол попытался разместить карету в вокзале, в том месте, где его покинул клиент. В семь часов он пошел купить кофе в бистро, найденном на вокзальной площади Гавра; он написал своей жене телеграмму, которую попробовал отправить с почты с посыльным мальчиком, и возобновил свое наблюдение.

Около полудня мадам Рудиол принесла своему мужу скромные пожитки в виде соломы, сена и овса для коня, который казался очень счастливым в новой для себя обстановке. Правда, описанное место привлекло удивленных прохожих. Они никогда не видели никакого кучера на складском дворе. Полиция, однако, нашла, что все это очень натурально, и, без сомнения, было решено, с одной стороны, ввести туда гвардейца для предотвращения саботажа, а с другой – вся эта работа была столь же неуместна, сколь и необычна.

*

Упоительная жизнь началась для человека и его коня, набиравшего избыточный вес, так как весь день Рудиол только курил трубку, наблюдая за приездом пассажиров.

Тогда у них были прекрасные дни; мадам Рудиол приходила поддержать компанию мужа, которого она покинула лишь к середине осени, когда выпал снег...

*

Прошли годы, и ничто не прерывало мирную жизнь, которую вели человек и его конь, странный Робинзон самого оживленного в Париже квартала.

Время от времени, что дать немного упражнений Кокотту, кучер просил какого-нибудь прохожего сесть в карету, для того чтобы можно было проникнуть во двор вокзала Гавра. Там мерин немного бежал рысью, но недолго, чтобы Рудиол не потерял из виду выход на вокзал. И перед сном своим крупным прилежным почерком кучер писал несколько цифр в грязной и гнутой старой тетради.

*

1-го января 1910 года, Рудиол, встав в четыре часа утра, почистив свою лошадь, запряг ее и около восьми часов и, увидев, что погода хорошая, подумал о необходимости успеха в делах. Он посадил в карету разносчика и въехал с ним на вокзальную площадь Гавра, где путем нескольких маневров ему удалось разместиться у выхода на главную линию вокзала.

В девять часов появился человек, он как будто кого-то искал. Но кучер узнал своего клиента.

– Вуаля, буржуа! – закричал он, спрыгнув вниз со своего сиденья.

– Это вы? – сказал мосье Пандевин. – Подождите.

Он вытащил свой кошелек, достал откуда банкноту.

– Все правильно, – сказал мосье Пандевин, – 20364. Сколько я вам должен?

– Пятьдесят шесть тысяч, триста двадцать два франка, – ответил кучер, – и двадцать пять сантимов за вещи.

Мосье Пандевин принялся проверять счет: три года и месяц, два франка в час – тариф дня, и два франка пятьдесят в час – тариф ночи, измененный повседневной общей суммой, в соответствии с зимним или летним расписанием, не забыть присоединить один день високосного 1908 года.

– Это так, – согласился мосье Пандевин. – Вот что я вам должен.

И он протянул кучеру 56 322, 50 франков, так как посчитал 25 сантимов чаевых. Рудиол спрятал все это в своем большом портмоне.

– Теперь ко мне! – сказал мосье Пандевин, после того как дал свой адрес и поднялся в карету.

И когда они приехали к пункту назначения, он заплатил кучеру один франк семьдесят пять сантимов по счету.

Кулинарный кубизм

Теперь много говорят о новой школе кухни.

Мы имели ее задолго до кулинарного кубизма.

На самом деле, в Париже уже продают кубический бульон и трехмиллиграммовое параллелепипедное масло. В Чили торгуют бифштексами, слепленными на десять человек, в виде мелких кубиков по восемь миллиграммов. Что наиболее примечательно, так это то, что кубики, предназначенные для лукового супа и картофеля, продают в департаменте Пуй де Дом с трехграммовыми и четырехграммовыми шариками, из которых готовят капустный суп. Порошок, из которого его стряпают, растворяется в воде и, вместе с отличными ломтиками копченого лосося, имеет большую популярность в Норвегии.

Нет сомнения, что огромный успех будет сопутствовать тому, кто изобретет кубики, предназначенные облегчить кухню газет и журналов.

Богатая меценатка, мадам баронесса Б. пообещала навечно 100000 франков тому, кто сделает выжимку из ежемесячных статей знаменитых авторов, которых постоянно не хватает.

*

Сколько новых кухонных школ, о которых я здесь говорю, они не кубистичны, но, без сомнения, старое кулинарное искусство стало тем, чем кубизм является для живописи старых мастеров.

*

Эти новые тенденции показались в мае 1912 года на встрече, которая состоялась у меня с двумя молодыми брессанскими поварами: мосье Жаклин Граван и мосье Луи Пижна. Я вам не сообщу точных деталей этой встречи, о которой мне достаточно сказать, что друг Меритарт, великий изобретательный кулинар, недавно умерший, был на ней, и этот разговор определил двум юным брессанским кулинарам путь к новому искусству.

*

Принято именовать гастро-астрономической кухню в память об астрономе Лаланде, который известен своими эссе едока. Все знают, что он с удовольствием ел пауков и гусениц, которых всегда носил с собой в бонбоньерке.

*

Гастро-астрономическая кухня – это искусство, а совсем не наука. В момент, когда наука пытается изменить пищу с помощью электрического тока, посредством кухонного искусства культурные умы пытаются сохранить вкус жизни и натуральный вкус.

Эта гастро-астрономическая кухня создана не с целью усмирить голод. Напротив, чтобы вкусить новые блюда, предпочтительнее вообще не иметь аппетита; нам не пришлось изумляться, когда первый гастро-астрономический обед, который имел место в Дон ле Суньере в нынешнем сентябре, не имел аперитива, и детали поданных блюд вызвали бы у вас мысль о том, что, возможно, это новая кухня. Без сомнения, это искусство не породит многочисленных приверженцев и не сильно повредит съестным запасам.

*

Нам подали сначала закуски, среди которых я отметил свежие фиалки, лишенные стеблей, приправленные лимонным соком. Нам досталась рыба, восхитительное блюдо, составленное из речного налима, приготовленного в отваре из листьев эвкалипта. Деликатес этой мякоти не оставляет ничего, кроме удовольствия, это отличный предлог, чтобы поговорить о Флобере, который в «Саламбо» показывает налимов в роли как важной, так и печальной.

Это был очень скромный ужин, а не банкет. Кроме того, мы не курили, чтобы удивляться виду филе средней прожарки, чья новизна состояла в том, что блюдо не было приправлено ни солью, ни перцем, но нюхательным табаком.

Мы поразились сначала, так как приправа проявила необыкновенную кулинарную смелость, и нам показалось, что уже превышен предел, который устанавливают обычно для гастрономии.

В любом случае, пикантность того, что связывается с мясом, делает вкус всего на свете, и представленный старый магистрат объявил, что Брийе-Саварен⁶ в целом приветствует совершенство того, что мы называем филе *faux-filet lattaissant* в память забытого автора:

*У меня есть отличный табак
В моей табакерке⁷.*

Потом явился шедевр. Он был сформирован из перепела, тщательно обрамленного отваром из сока солодки, подготовленного накануне. Палки солодки были нежно погружены на огне в куриный бульон. Несравненное мастерство этого приготовления никого не оставило безразличным, и мы явили единодушие, хваля умного повара, который имел такое новое воображение и создал такую восхитительную цепь питательных веществ.

Салат, который последовал далее, был приправлен маслом грецкого ореха и марочной водкой. Попробуйте, и вы мне скажете о впечатлениях.

Нам предложили сыр реблошон⁸, изысканный савойский сыр, который приправляют мускатным орехом, а на десерт подали сезонные фрукты.

Там держали единственное вино д, арбуа, и все возвращались потом удовлетворенные, посмаковав новые гастрономические радости, очень смелые, но отличные овощи, потому что наши дворцы всегда более изумляют самым приятным в свете.

*

Эти кулинарные исследования, мне кажется, отмечены интересом. Я сообщил их публике, отмечая в начале 1911 года в «*Le Passant de Bruxelles*», а затем писал об этом в «*Fantasio*», чей директор, мосье Форж, имел стремление дать в течение января 1913 года банкет гастрономической кухни, который должен был воссоединить молодую артистическую и литературную элиту, но отъезд за границу поваров Жоахима Граванта и Луи Пижна не позволил развернуться этому прекрасному проекту.

Просто позднее выступили повара-футуристы, которые весело вышли на тропу своих предшественников.

⁶ Брийе-Саварен Антельм (1755—1826) — знаменитый гурман и гастроном, автор книги «Физиология вкуса» (1825).

⁷ Автор песенки — поэт Габриэль-Шарль де Латенян (1697—1779).

⁸ Французский мягкий сыр из непастеризованного коровьего молока французской области Савойя, у подножья Альп.

Мой дорогой Людовик

Мой дорогой Людовик изобрел искусство осязания, касания и прикосновения. Идея пришла к нему пятнадцать лет назад, и с тех пор он не перестает изучать области, в которые проник первоначально.

На заре нового искусства я имел честь быть приглашенным к нему на вечера по четвергам. Он жил в то время на улице Принцесс, в старом, плохо сохранившемся доме, где скверно пахло и были просторные комнаты.

Гостей созывали на полдевятого, и в девять никто из двенадцати друзей, к которым он имел доверие, не пренебрегал приглашением. Тактильное искусство нам нравилось, конечно. Менее, однако, чем аппетитная нагота законной жены нашего дорогого Людовика; так как, чтобы разбудить в нас чувство красоты, он ставил всю обнаженную законную свою половину на стол, за которым хозяин наливал нам свежего галльского вина, купленного у ближайшего виноторговца. Жена моего дорогого Людовика была великой красоты и щедрого благородства. Никто из нас не осмеливался коснуться ее обнаженного тела, сделав созерцание целью опыта осязательного лирического контакта, но мы промывали себе глаза, так что наша правая или левая рука, в соответствии со случаем, а иногда и обе, испытывали неистовствующие художественные чувства, для которых нас и приглашали.

Я не могу вам описать всех деталей этих прикосновений, щекотки, ударов всех сортов и разной силы, которые мой дорогой Людовик производил для нашего опыта; наши глаза оставались на теле пухлой и грациозной женщины, у нас хватало терпения это длить.

Однако я планирую вам рассказать, что правила и техника этого искусства во всем своем развитии основываются на разных способах, которыми, в соответствии с их природой, объекты производят чувство касания. Сухость, влажность, мокрость, все ступени холода или жара, клейкость, плотность, чувствительность, пухлость, крепость, эластичность, маслянистость, шелковистость, бархатистость, шершавость, зернистость и так далее; в браке неожиданным образом приближены к формированию богатого материала для изучения, в котором мой дорогой Людовик черпал замысловатые приемы и несравненное искусство прикосновения. Безгласная музыка раздражала наши нервы, тем не менее наши очарованные глаза не покидали области изысканного тела, которого, как ничего подобного в мире, мы не осмеливались коснуться, несшего плоды аппетитнее, уверен, всех Танталовых яблонь.

Мой дорогой Людовик учил, что все разновидности прикосновений одновременно обладают ощущением пустоты, так как, добавлял он, «уже долгое время пустоту больше не игнорируют: *природа в ужасе от пустоты*, и то, что мы принимаем за пустоту, есть твердое тело».

Но мы не погружались бы в эти детали, если бы раз в неделю оставались, чтобы упражнять наши пальцы фантазией, которая иногда доходила до беспощадной бессознательности.

Банкротство лишило Людовика маленького дохода, которым он жил. Уверенный в будущем своего искусства, он занимал свое время разработкой «круга касаний», работой, которую он вел уже в течение шести месяцев.

Затем, устав от всего этого, он написал директору компании П. Л. М.:

«Мосье, я изобретатель искусства касаний. Очень хочу совершить маленькое путешествие, но у меня нет денег, я адресуюсь к вам в надежде, что вы захотите снабдить меня маленькой командировкой, которая будет мне полезной».

Ответ не заставил себя ждать. Письмо содержало билет до Женевы и обратно, он сразу отправился в дорогу, оставив жену одну в Париже.

Не имея удачи как путешественник, так как дождь барабанил в течение всего путешествия, он вернулся в Париж, где мысленно вообразил геологический роман, в котором гора Монблан, которую он не имел шанса увидеть, падала в озеро Лиман так удачно, что больше

не оставалось ни горы, ни озера, но абсолютно сплошь равнина, которая могла использоваться как огромное опытное поле для искусства осязания и касания, которое мы будем практиковать там пешком, исполняя, можно сказать, обнаженными ногами, тактильную симфонию, которую чудесно сложил мой дорогой Людовик.

В течение его отсутствия жене Людовика, скучавшей в одиночестве, пришло в голову написать великой американский танцовщице, которая была на пике моды в большом театре:

«Мадам,
Я жена изобретателя искусства касаний, который совершает
небольшое приятное путешествие. В отсутствие моего мужа мне
не хватает развлечений, и я бы очень хотела вам поаплодировать».

Ответ содержал билет на два лица в партере на премьеру, и мой дорогой Людовик, между тем, вернувшийся, увидел танцовщицу в компании своей жены. Он получил возможность констатировать, что тактильное искусство очень набирает силу в музыке и хореографии.

Четверговые вечера продолжились. Но по мере того как шли годы, приглашенных было уже меньше числом, потому что, без сомнения, жена моего дорогого Людовика потолстела, и ее тело стало менее приятно разглядывать.

Однако еще и теперь, несмотря на войну, свежая матрона очень хорошо жила на «субсидии», так как после мобилизации ее мужу поручено было искать в Беллегарде неблагонадежных пассажиров. Это служба, где как раз нужно осязать.

Прогулка с тенью

Это было незадолго перед полуднем. Я увидел одну тень. К моему изумлению, она не зависела от тела и двигалась свободно, совсем одна. Она ложилась на землю, проходила по тротуару, собиралась вдруг в две складки, иногда возле стены держалась все время справа, как будто чтобы бросить вызов кому-то, солнцу, может быть; она, чей взгляд не смущало никакое тело.

Я решил следовать за ней в тот момент, когда она исчезла на повороте совсем пустынной улицы; мне показалось, что она отправилась туда не без колебаний.

Но нужно ли ее описывать или сразу сказать о ее формах? Известно, что тени меняются, истончаются или увеличиваются в размерах или, наоборот, сжимаются до того, что принимают вид табакерки. Для того, кто заинтересовался бы этой одинокой тенью, о которой я говорю, появление ее имело бы самое нормальное объяснение, эта тень имела что-то от симпатичного молодого человека, с поднимавшимися кончиками усов и чистым профилем.

На краю маленькой улицы, привлечшей наше внимание, показалась молодая девушка. И когда тень прошла возле нее, та примостилась напротив девушки, как будто чтобы поцеловать в лоб. Молодая девушка затрепетала и сразу повернулась, но тень прошла, удаляясь, и, ползя по ухабистому тротуару, заскользила в переулок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.